

С. В. Кретинин

Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam: Deutsches Kulturforum Östliches Europa, 2008. 420 s. ISBN 13: 9783936168204, ISBN 10: 3936168202

История немецкой колонизации Восточной Европы принадлежит к числу актуальных не только с исторической, но и с политической точки зрения тем. Тем более что рецензируемое исследование сотрудницы Института политических и социальных наук Свободного университета Берлина д-ра Уты Шмидт затрагивает историю нашей страны, России, и постсоветского пространства.

Автор книги сама является урожденной немкой из Бессарабии и уже обращалась к истории своих соотечественников в специальном монографическом исследовании¹. В своей новой книге У. Шмидт попыталась дать обобщающую картину истории немецкого присутствия в Бессарабии, роли немецких колонистов в развитии этого региона, а также современного положения Бессарабии, отношения выселенных бессарабских немцев к своей исторической родине.

В книге читатель находит как общую характеристику немецкой колонизации и переселенческого движения, так и экскурс в историю Северного Причерноморья. Следует особо отметить, что У. Шмидт регулярно выходит за определенные ею территориальные рамки, рассматривая не только Бессарабию, но и сопредельные регионы. Специальное внимание в книге уделено мотивации и особенностям характера немецких переселенцев: их «культурному капиталу», социальной мобильности, «духу пионерства». Автор отмечает, что применительно к православной, самодержавной России особую роль сыграла протестантская этика колонистов (S. 19). Хотя

¹ Schmidt U. Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute). Köln; Weimar; Wien, 2004.

среди бессарабских немцев были и католики, проживавшие в населенном пункте Красна (ок. 7000) и частично в Сарате.

Истории религиозной жизни колонистов посвящена отдельная глава исследования. Стремление к религиозной свободе было одним из важнейших побудительных мотивов немецкой колонизации. Как следствие, в Бессарабии имели место различные религиозные эксперименты. В частности, в поселении Теплиц в 1817–1818 гг. обосновались хилиасты. В этот же период пастор Игнац Линдл предпринял попытку основать в Сарате общину, которая была бы организована на истинно библейских началах. Тем самым священник рассчитывал преодолеть разногласия между католиками и протестантами (S. 94).

Бессарабия стала одним из центров так называемого религиозного сепаратизма, возникшего в Европе под влиянием Великой Французской революции. «Сепаратисты» полагали, что в вопросах веры следует руководствоваться не столько положениями Библии, сколько собственным «внутренним светом», ощущениями. При этом автор подчеркивает, что религиозные лидеры, церковная организация были одним из основных факторов, цементирующих немецкие общины в Бессарабии, обеспечивавшим их устойчивость как в царской России, так и под румынским управлением.

Бессарабские немцы были последней группой колонистов, официально привлеченной государственной властью Российской империи. В начале XIX в. немцы расселились в районах Одессы и Симферополя, в Приазовье (область Грунау), позднее достигли Тифлиса. Еще ранее, при Екатерине II, появились колонии поволжских немцев под Саратовом, а позднее — самарское поселение.

Что касается Бессарабии, то первое немецкое поселение Тарутино было основано здесь в 1814 г. так называемыми «варшавскими колонистами»². Помимо переселенцев из Царства Польского главными центрами «исхода» немцев в Бессарабию были Баден-Вюртемберг и Пруссия, а также Швейцария. Тарутино с населением более 8000, в котором располагалась гимназия, выходили газеты на немецком языке, стало центром немецкой колонии. После распада Российской империи здесь возник «Немецкий народный совет Бессарабии».

Многие населенные пункты бессарабских немцев были названы в ознаменование событий Отечественной войны 1812 г. и победы над Наполеоном. Одно из поселений получило имя «Лейпциг», а еще одно — «Париж»! Но немцы зачастую присваивали своим поселениям и собственные названия: Тарутино — Элизабет, Бородино — Александр, Малоярославец — Виттенберг, Малоярославец II — Альт-Посшталь. Крупными немецкими поселениями стали также Клёстиц, Теплиц, Сарата. Небольшая немецкая община в 1825 г. обосновалась в Кишиневе. Общая численность колонистов на 1842 г. составила 141 437 человек.

У. Шмидт придерживается точки зрения о том, что в царской России немецкие колонии в Бессарабии находились под особым управлением центра и пользовались местной автономией. Она полагает, что царское правительство шло на сознательный

² 29 ноября 1813 г. царь Александр I обратился с воззванием к колонистам Великого герцогства Варшавского, в котором давались гарантии привилегий и религиозных свобод, содержался призыв к переселению на территорию России. Текст воззвания опубликован У. Шмидт на С. 66 рецензируемого издания.

эксперимент, предоставляя колонистам большую свободу в организации внутренней жизни и поддерживая их, в том числе и материально:

«Колонии представляли собой опытную модель, пример которой должен был продемонстрировать возможности местного сельского хозяйства, роста благосостояния крестьян в том случае, когда они лично свободны, располагают самоуправлением и пользуются поддержкой» (S. 107).

Автор полагает, что бессарабские немцы оказались в роли пионеров, внедряя рациональное природопользование и инновационные методики по развитию и улучшению сельхозпроизводства при государственной поддержке. Автор считает, что опыт иностранных колонистов должен был послужить примером для местного населения, которое рассчитывало получить от русской знати и помещиков аналогичные немецким права. Эта интересная мысль не нашла, к сожалению, должного развития в книге. В частности, это касается вопроса о том, насколько сильно повлиял опыт бессарабских сельских колоний на те преобразования и реформы, что проводились в аграрной сфере. Если следовать логике автора, то хозяйство в поселениях находилось на более высоком уровне, нежели у основного населения Бессарабии и близлежащих областей. Однако после того как в 1871 г. немцы лишились привилегированного статуса, в их поселениях начинаются хозяйственные трудности, что проявилось в массовом переселении в другие регионы и страны.

Шмидт объясняет это тем, что колонисты были разочарованы отменой тех гарантий, что были даны им Александром I, особенно в части освобождения от воинской службы. Всего с 1857 по 1932 гг. Бессарабию, по подсчетам автора, покинуло более 19 000 чел., что составляло четверть всего немецкого населения этого региона. Более половины переселенцев устремлялось в США, а также в страны Южной Америки (S. 252). Так немецкие переселенцы реагировали на реформы Александра II, которые захватывали и национальные окраины.

Как и повсеместно в России, в Бессарабии учреждались земства, немецкое самоуправление преобразовывалось в волостное, мужчины подлежали призыву в русскую армию. При этом автор подчеркивает прогрессивность реформ Александра II, а самого его называет «дружески настроенным к немцам» (S. 281). Эта политика закончилась с вступлением на русский престол Александра III, который, по утверждению Шмидт, выступал с панславистских и национал-шовинистических позиций. В его правление в Бессарабии начинается политика русификации и репрессии в отношении национальных меньшинств.

Бессарабские немцы также становились жертвами национализма и ксенофобии: власти разрабатывали проекты ограничения их хозяйственных прав (в частности, свободной торговли на рынках). Националисты называли их «захватчиками», «разорителями», «завоевателями» (S. 284). Однако, несмотря на эти эксцессы, бессарабские немцы оставались лояльными подданными. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, когда немецкие колонисты в массовом порядке были выселены вглубь страны из-за опасений перехода на сторону Австро-Венгрии и Германии. Однако эти опасения были преувеличенными. Автор приводит примеры тому, что бессарабские немцы доблестно сражались в рядах русской армии.

В 1918 г. начинается новый этап в истории бессарабских немцев, оказавшихся под румынским владычеством. Особое внимание уделено в монографии румынизации Бессарабии после 1918 г. Данная политика характеризуется автором как закономерный ответ на политику русификации и притеснения молдавского меньшинства в царской России (S. 301). Соответственно, румынизация способствовала национальному развитию и повышению культурно-образовательного уровня молдаван: не даром именно школы стали главным объектом румынизации. При всей неоднозначности такой трактовки молдавской истории следует отметить, что Шмидт совершенно верно акцентирует внимание на том, что румынизация негативно отразилась на других национальностях, оказавшихся в составе «Великой Румынии».

Наиболее значительными национальностями в составе Румынии были венгры (ок. 1 500 000), немцы (ок. 750 000), евреи (725 000), русские и украинцы (ок. 800 000), а также болгары, турки, цыгане. Таким образом, «Великая Румыния» была многонациональным государством, и румынскому руководству было необходимо решать проблему национальных меньшинств, что было нелегко. Этот аспект находится в центре внимания рецензируемого исследования.

Автор акцентирует внимание на том, что румынское правительство подписало под давлением держав Антанты в Версале в 1919 г. договор о защите национальных меньшинств. Однако на практике происходила не только румынизация, но и дискриминация отдельных национальностей. Особенно это коснулось бессарабских немцев, которые в отличие от своих соплеменников в Трансильвании (семиградских саксов) и венгров не получили никаких привилегий. Знание румынского языка стало обязательным в общественной сфере. Названия населенных пунктов, улиц переименовывались на румынский манер. Автор приводит характерный пример, когда по закону 1937 г. предприниматель был обязан нанять не менее 75 % «румын по крови» (S. 303).

Несмотря на румынизацию, бессарабские немцы, по мнению автора, в целом были лояльными подданными Румынского королевства: они принимали участие в общественно-политической жизни страны, призывались в румынскую армию. С 1920 г. они входили в немецкую фракцию румынского парламента, где были представлены протестантским священником Даниэлем Хаазе.

Бессарабия вместе с Буковиной была одним из четырех центров социал-демократического движения Румынии. Социал-демократическая краевая организация Буковины (центр — Черновцы) во главе с известным теоретиком Якобом Пистинером издавала газету на немецком языке «Форвертс». К сожалению, в рецензируемом издании мало внимания уделено характеристике немецкоязычной социал-демократии Бессарабии, борющейся за права национальностей.

Среди румынских немцев усиливались националистические настроения, ширилась симпатия к национал-социализму. Это нашло отражение в «возрожденческом» движении, характеристику которого мы находим на С. 307–308. Оно возникло в конце 1920-х гг. в Трансильвании под влиянием нацизма. Лидером (фюрером) обновленцев был Фриц Фабрициус, который официально был признан представителем НСДАП и лично Адольфа Гитлера среди румынских немцев. Среди бессарабских немцев лидером обновленцев стал д-р Отто Бронеске. Автор подчеркивает, что несмотря на активную пронацистскую пропаганду и активность обновленцев, их

влияние на немцев Бессарабии не было очень сильным. Причинами тому называются традиционная аполитичность немцев Бессарабии, их разобщенность в малых селах и поселениях, что делало затруднительной активную пропаганду. Им были чужды агрессивные антирелигиозность и русофобия обновленцев (S. 308).

Подобно аналогичным движениям, пользовавшимся поддержкой у молодой генерации немцев в странах Восточной и Юго-Восточной Европы (например, младонемецкой партии в Польше), обновленцы не смогли объединить всех немцев под своими знаменами. Их лидеры не получили должного признания у нацистского руководства. Например, Бронеске даже не допускался к выселяемым из СССР в 1940 г. бессарабским немцам. Но в итоге этот фактор помог ему после 1945 г. избежать серьезного наказания за сотрудничество с нацистами и много лет возглавлять Землячество бессарабских немцев (с 1953 по 1976 г.). Умер Бронеске в 1989 г. в возрасте 90 лет.

Автор справедливо указывает, что бессарабские немцы не могут считаться сознательными сторонниками национал-социалистической идеологии. Симпатии к Германии были сильны особенно среди молодого поколения, что было связано с антидемократической политикой правящего румынского режима, где немцы притеснялись как национальное меньшинство. Это вело к идеализации прародины Германии, в которой Гитлер осуществлял грандиозный национал-социалистический эксперимент, видевшийся из далекой Бессарабии в идеалистических красках. Вскоре и сами местные немцы стали объектами этого эксперимента, подвергнувшись переселению на историческую родину.

Особое внимание автор монографии уделила выселению бессарабских немцев из Молдавии, перешедшей в 1940 г. к СССР. Традиционно для зарубежной историографии она увязывает это событие с секретным протоколом к советско-германскому пакту 1939 г. Это соглашение помогло бессарабским немцам избежать серьезных преследований со стороны советских спецслужб до переселения. Автор приводит свидетельства ряда бессарабских немцев, которые отмечали, что советские власти не проводили среди них проверок и арестов, не изымали имущество и разрешали спокойно отправлять религиозные культы. Пастор Эрвин Мейер из бессарабского села Лейпциг подчеркивал, что «все это благодаря германской защите» (S. 312).

Осенью 1940 г. началось выселение бессарабских немцев. Автор акцентирует внимание на работе советско-германской комиссии по переселению, принципах и организации этого процесса. При этом не совсем отчетливо в книге говорится о том, все ли немцы были обязаны переселиться?

Ответ на этот вопрос дан в статье Шмидт, опубликованной в конце 2009 г.³, из которой ясно, что подавляющее большинство немцев выехало в Германию, но те, кто не захотел покинуть насиженные места — остались. Тем самым, следует констатировать, что выселение немцев не было насильственным, и они сами предпочитали покинуть перешедшую под управление большевиков область, опасаясь репрессий, коллективизации, высылки в Сибирь. Прельщала и возможность не только получить на родине новый участок, но также и обещанная компенсация. Однако реалии оказались далеко не такими радужными, как обещала нацистская пропаганда.

³ Schmidt U. «Heim ins Reich»? Propaganda und Realität der Umsiedlungen nach dem «Hitler-Stalin-Pakt» // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2009. Bd 26. S. 43–60.

Бессарабские немцы месяцами находились в пересыльных и фильтрационных лагерях. В Германии их не воспринимали как немцев, называя «лучшими из арабов», «балканцами». Да и жить приходилось начинать практически с нуля, и это в условиях все разгоравшейся мировой войны, когда мужчин призывали в армию, а женщины, старики и дети оказались в итоге на положении беженцев и депортированных.

Сама автор книги в детстве также пережила выселение. Во многом этим объясняется ее заинтересованное, эмоциональное отношение к описываемым событиям, которое автор демонстрирует, например, характеризуя большие потери бессарабских немцев в период эвакуации и бегства от Красной Армии в 1944–1945 гг., когда, по утверждению У. Шмидт, лишь треть из них сумела благополучно достичь германских территорий. Многие погибли от авианалетов, обстрелов, их колонны из повозок были «в буквальном смысле намотаны на гусеницы танков» (S. 331).

В книге несколько сот иллюстраций, в основном фотографий отличного качества, которые позволяют представить себе жизнь и быт бессарабских немцев, их взаимоотношения с другими национальностями, сохранившиеся следы их проживания. Ряд фотографий, включенных в книгу, были сделаны автором во время регулярных посещений своей исторической родины с 1990-х гг. Они показывают современную жизнь Кишинева, Одессы, провинциальных населенных пунктов и порой имеют мало общего с темой монографии.

К числу замечаний следует отнести и то, что автор разделяет (не всегда обоснованно) традиционные для западной историографии штампы и стереотипы при характеристике таких аспектов советской истории, как сталинские репрессии, советско-германский пакт о ненападении 1939 г., следствием которого она видит последующие переселения фольксдойч в нацистский рейх. На С. 392 ошибочно указаны даты коллективизации в СССР: 1921–1923 гг., а сама политика характеризуется только с негативной стороны, как принесшая голод и многочисленные смерти в Причерноморье.

Специального внимания заслуживает словарь тех слов иностранного происхождения, что вошли в лексикон бессарабских немцев. Среди них много русских терминов и обозначений: «начальник», «аршин», «закуска», «трактир», обычай кричать «горько». Таким образом, прослеживается влияние страны пребывания на немецких переселенцев.

Подытоживая, можно уверенно констатировать, что мы имеем дело с настоящей энциклопедией по истории немцев Бессарабии. Книга получила широкий общественный резонанс. Уже готовится английский перевод, и было бы желательно осуществить перевод на русский язык.